

УДК 247.1	Содержание статьи	Информация о статье
DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-1-45-53	Введение Истоки и причины религиозного ренессанса в Дагестане	Поступила в редакцию: 21.10.16. Передана на рецензию: 24.10.16. Получена рецензия: 23.11.16.
<i>Р.М. Рабаданов</i> ²⁹	Религия и религиозность в современном Дагестане Состояние государственно-конфессиональных отношений и их перспективы Заключение 52	Принята в номер: 27.12.16.

Религиозная ситуация в Республике Дагестан и перспективы государственно-конфессиональных отношений

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет государственного управления; Rabadan05@inbox.ru

В статье рассматриваются процессы возрождения и активизации ислама, имевшие место в Дагестане в постсоветский период. В ней отмечается стихийный характер роста религиозной активности, который произошел незаметно для республиканской власти и политически активной части общества, которые оказались неспособными спрогнозировать последствия религиозного ренессанса. Автор анализирует количественные структурные изменения, произошедшие с исламскими религиозными институтами, способствовавшие росту влияния ислама на экономические, политико-правовые, социокультурные и духовно-нравственные процессы в республике и де-факто запустившие процесс исламизации дагестанского общества. Сложившиеся отношения между исламскими организациями и органами светской власти в республике квалифицируются автором как бессистемные, непродуманные и непоследовательные, ведущие к подмене светской власти властью религиозных авторитетов на местах. На этой основе выводится необходимость разработки и претворения в жизнь новой модели государственно-конфессиональной политики в республике, способной остановить дальнейшую клерикализацию и защитить светский характер дагестанского общества.

Ключевые слова: *религия, ислам, суфизм, салафизм, исламизация, клерикализация, государственно-конфессиональная политика.*

UDC 247.1	Content of the article	Information about the article
DOI 10.21779/2077-8155-2017-8-1-45-53	Introduction. The sources and causes of religious revival in Dagestan.	Received: 21.10.16. Submitted for review: 24.10.16. Review received: 23.11.16.
<i>R.M. Rabadanov</i> ³⁰	Religion and religiosity in contemporary Dagestan. The condition prospects of stateconfessional	Accepted for publication: 27.12.16.

²⁹ *Рабдан Муртазалиевич Рабаданов* – магистр 2 курса факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

³⁰ *Rabadan Murtazalievich Rabadanov* – second year master's degree student at the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University

relations.
Conclusion.

The religious situation in the Republic of Dagestan and the prospects of church-state relations

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Public Administration;
Rabadan05@inbox.ru*

The paper is a study of Islam revival and activization in the Dagestan of the Post-Soviet period. The author notes a spontaneous nature of religious activity growth, which occurred unnoticed by the republican authorities and the politically active part of society who failed to predict the effects of religious renaissance. The author considers the quantitative and transformational changes in Islamic institutions that contributed to the growth of Islamic influence upon the economic, political, legal, socio-cultural and spiritually-moral processes in the republic, and triggered the Islamisation of Dagestani society. According to the author, the existing relations between Islamic organizations and the republican authorities can be described as systemless, unwise and inconsistent, which ultimately leads to the substitution of secular power by the power of religious leaders at the local level. On this basis, the need to develop and implement a new model of state-confessional policy capable of preventing further clericalization of Dagestani society, is substantiated.

Keywords: religion, Islam, Sufism, Salafism, islamization, clericalization, state-confessional policy.

Введение

Взаимоотношения между государством и религией имеют особую тонкую грань, которая определяется через несколько принципов, в том числе таких, как светский характер государства, отделение церкви от государства, свобода совести. Соблюдение данных принципов во многом позволяет органам государственной власти и институтам гражданского общества взаимодействовать на основе законности и справедливости. Значимо и то, что нормы, закрепленные в этих принципах, являются одними из важных социальных прав, ограничение которых становится причиной этноконфессиональных конфликтов. В Российской Федерации эти сегодня больше декларируются, чем обеспечиваются на практике. В реальности прослеживается все более очевидная тенденция клерикализации общественной и личной жизни россиян и стремление церкви к тотальному контролю над духовно-нравственной сферой жизни общества. Нарушения этих принципов лежат и в основе того системного кризиса российского общества, который охватил области культуры, науки, образования, просвещения. Причем эти нарушения чаще проявляются в конфессиональных предпочтениях, выражаемых со стороны власти, государственных и муниципальных чиновников. Опасность нарушений принципов светскости и отделённости церкви от государства связана с тем, что они с неизбежностью ведут к нарушениям и других конституционных принципов, лежащих в основе государственного строя.

В контексте обозначенной проблемы нас интересуют прежде всего взаимоотношения государственной власти и религиозных структур, которые оказывают все возрастающее влияние на состояние и развитие межконфессиональных отношений в Респуб-

лике Дагестан, республике, являющейся полноправным субъектом Российской Федерации. Для ответа на этот вопрос мы в статье обратимся к нашей недавней истории, т. е. к процессам, происходившим в республике после распада СССР и существенно поменявшим характер взаимодействия светской и религиозной властей.

Истоки и причины религиозного ренессанса в Дагестане

Для понимания сложившейся религиозной ситуации и особенностей взаимодействия государства и религии в Дагестане необходимо в первую очередь вспомнить слова И.А. Ильина, который справедливо отмечал: «Церковь и государство взаимно инородны – по установлению, по духу и достоинству, по цели и способу действия. Государство, пытающееся присвоить себе силу и достоинство Церкви, творит кощунство, грех и пошлость. Церковь, пытающаяся присвоить себе власть и меч государства, утрачивает свое достоинство и изменяет своему назначению...» [6, с. 125].

Как известно, в СССР светская власть полностью подавляла власть религиозную, осуществляла диктаторскую политику по отношению к религии. Однако уже к концу 80-х годов политика, проводимая М.С. Горбачевым и его сторонниками, создала объективные условия для возрождения религии, а ликвидация Советов и создание новых органов самоуправления на местах и вовсе благоприятствовала усилению роли религиозных структур и духовенства в жизни российского общества. С тех пор религиозные институты общества неуклонно набирают силу, освобождаются от диктата светской власти, укрепляют свое социальное положение и постепенно переходят к контролю деятельности государственных органов власти, особенно органов местного самоуправления.

Следует заметить, что на первых этапах постсоветского реформирования как всего российского общества, так и Дагестана в частности, никто из активных политических деятелей не апеллировал к религиозным чувствам россиян. Потому и пробуждение религиозной активности произошло незаметно для политически активной части общества, никто и не задумался о последствиях религиозного ренессанса. На это обращает внимание и Э.Ф. Кисриев: «Рост религиозной активности до поры до времени происходил в недрах общества, он не затрагивал власть, и власть первоначально не замечала никакой угрозы в начавшемся процессе реисламизации общества» [7, с. 51].

В этом плане примечательно событие, которое произошло в 1989 г. в Республике Дагестан, но осталось тогда без должного внимания общественности. По инициативе радикальных мусульманских деятелей состоялся первый съезд мусульман Северного Кавказа, который спровоцировал созыв в январе 1990 года Первого съезда мусульман Дагестана. Последний учредил Духовное управление мусульман Дагестана, которое, в свою очередь, через Исламскую партию Дагестана (ИПД), с которой ассоциировало себя почти все руководство ДУМД, составило достаточно сильное лобби в законодательном органе Республики Дагестан. Нажимом ИПД на депутатов Народного Собрания РД объясняется и принятие 26 февраля 1994 г. закона, запрещающего на территории республики всех иных духовных управлений мусульман, кроме ДУМД [10, с. 91–92].

Интересен и тот факт, что Духовное управление мусульман Дагестана, стремясь поставить под свой контроль все мусульманские общины в республике, само не захотело подчиняться светской власти как федеральной, так и республиканской. Именно этим объясняется неприятие ДУМД созданного 23 декабря 1993 г. Управления по делам религий при Совете Министров РД (в последующем – Комитет по делам религий), его оценка как «антиконституционного вмешательства в дела верующих».

Давление, оказываемое на представителей республиканской власти Духовным управлением мусульман, вскоре принесло религиозным организациям и их лидерам желанные результаты. Государственный Совет и Народное Собрание Республики Дагестан, Совет Министров и Комитет по делам религий очень быстро наладили тесные контакты с институтами – носителями «традиционного» для населения республики ислама. Под лозунгом освобождения дагестанского общества от атеистического партийно-советского наследия бурно стартовал процесс религиозного возрождения, который привел к проникновению ислама во все без исключения сферы общественной и личной жизни дагестанцев. Таким образом, в дагестанском обществе был придан мощный импульс процессам клерикализации, которые и привели к той конфликтной ситуации, которая взорвалась в конце 90-х годов прошлого столетия.

Религия и религиозность в современном Дагестане

Если характеризовать общерелигиозную ситуацию в Республике Дагестан на сегодняшний день, то она в целом выглядит следующим образом. Безусловно, доминирующей религией в республике является ислам, о приверженности которой, по результатам различных социологических опросов, заявляют от 80 до 90 % респондентов. Однако ислам в республике однозначно дифференцирован, впрочем, как везде в России. Подавляющее большинство мусульман придерживается суннитского направления, но именно они и разделены на непримиримые, доходящие до вооруженной вражды толки и течения. Мусульмане-сунниты, одни из которых называют себя традиционно верующими, а другие позиционируются как сторонники «чистого» ислама, вот уже два десятилетия враждуют и конфликтуют, нанося исламу больше вреда, чем его открытые противники. И это продолжается, несмотря на все усилия власти, официального духовенства и отдельных лидеров умеренных течений в самом исламе остановить кровопролитие. Традиционалисты и радикал-фундаменталисты конкурируют, стремясь усилить свое влияние не только на верующих-мусульман, но и на саму власть и в целом на общественно-политические процессы в республике.

Сегодня в Республике Дагестан «официальный» ислам представлен ДУМД, подконтрольными ему организациями и многочисленными мюридскими братствами суфийских тарикатов: накшбандийа, кадирийа и шазилийа. Такому «официальному» или традиционному исламу противостоит ислам, получивший в исламоведческих исследованиях, СМИ различные именованья: исламизм, нетрадиционный ислам, радикальный ислам, салафизм, ваххабизм и пр. Противостояние этих толков, иногда доходящее до вооруженных столкновений, очень сильно политизировало многих религиозных лидеров, алимов, имамов всех толков и направлений, что, в свою очередь, привело к крайней политизации ислама в целом. И такой политизированный ислам стремится занять свою особую нишу в республике, которая позволит влиять на государственных и муниципальных служащих, работников правоохранительных органов, вершителей правосудия, деятелей науки, культуры, образования и пр. Это и есть наиболее эффективный и безболезненный с религиозной точки зрения путь проникновения ислама во все сферы общественной и личной жизни. Он же является и реально наблюдаемым в последнее десятилетие механизмом клерикализации дагестанского общества, который уже в отдельных сельских горных населенных пунктах республики де-факто утвердил исламское правление, по сути, подменив органы местной власти в исполнения своих административных функций.

О такой опасности некоторые исследователи предупреждали давно [5], но ни федеральные, ни региональные чиновники не стали возлагать на себя обязанности по выработке и принятию каких-либо законодательных или административных мер, способных остановить или хотя бы замедлить активизирующийся процесс исламизации в республике. Более того, в республике, по примеру федерального центра, который заявил о своей полной поддержке политики РПЦ и МП, местные чиновники от заигрывания с религиозными деятелями, лояльными республиканской власти, перешли к открытой поддержке традиционалистов в их борьбе с идейными противниками, т. е. салафитами-ваххабитами [12, с. 67].

К настоящему времени «официальный» ислам в РД располагает достаточно разветвленной инфраструктурой. Так, по данным Комитета правительства РД по делам религий, только на начало 2010 года здесь действовали 2512 религиозных объединений, 2458 из них были исламскими. При этом суннитскими организациями являлись 2438, среди которых: джума-мечетей – 1276, квартальных мечетей – 827, примечетских мактабов – 168, молитвенных домов – 243, вузов – 13, медресе – 76, культурно-просветительских центров – 2, а также 1 союз исламской молодежи. Помимо этих суннитских организаций в республике действовали и шиитские объединения: центральных мечетей – 9, квартальных мечетей – 10. В каждую пятницу на молитву в джума-мечетях республики собиралось порядка 240 тыс. прихожан [12, с. 66]. По отдельным сведениям из средств массовой информации, за прошедшие с тех пор 7 лет количество религиозных организаций в республике возросло почти на 50 %, и их число сегодня приближается к 4 тысячам.

Помимо мусульманских организаций в республике действуют 50 христианских религиозных объединений, из которых 19 – православных, 28 – протестантских (в т. ч. пятидесятников – 5; адвентистов 7-го дня – 6; евангельских христиан-баптистов, относящихся к Союзу евангельских христиан России, – 5; евангельских христиан-баптистов, относящихся к совету церквей ЕХБ, – 5; свидетелей Иеговы – 6. Религиозная организация евангельских христиан «Благая весть» – 1, армянских религиозных обществ – 2, древнеправославная община – 1. Православные приходы разделены на два округа – Махачкалинское благочиние и Кизлярское благочиние, которые с 2011 года входят в состав Владикавказской и Махачкалинской Епархий Русской Православной Церкви Московского Патриархата. При православных храмах функционируют воскресные школы [9]. Однако процессы, связанные с возрождением православия в Дагестане, не были столь интенсивными, как в исламе. Во многом это было связано с оттоком русскоязычного населения из городов и районов Дагестана, что также является причиной уменьшения количества прихожан Русских Православных церквей.

Этноконфессиональное пространство Дагестана заполняют и 5 иудейских общин, которые входят в состав Федерация еврейских общин России, при которых действуют воскресные школы (хейдер). Высших и средних иудейских учебных заведений в республике нет, поэтому для получения иудеем статуса раввина приходится пройти 6 лет обучения в «Московском иудейском институте XXI века» и 2 года специализации в Израиле.

Наиболее значимой религиозной организацией в республике является Духовное управление мусульман Дагестана, в тесной увязке с которым действуют и многочисленные суфийские ордена, возглавляемые влиятельными шейхами – представителями мусульманского мистицизма. Как пишет М.Я. Яхьяев, к 2010 году в республике активно проявляли себя 19 шейхов различных суфийских тарикатов (накшбандийа, шазилийа

и кадирийа), которые отличались, как это ни странно, по национальному составу своих мюридов. Так, накшбандийский тарикат исповедовали в основном аварцы, кумыки, даргинцы, лакцы, лезгины, табасаранцы. К кадирийскому тарикату преимущественно принадлежали андийцы и чеченцы. Среди аварцев, некоторой части даргинцев и кумыков распространен и шазилийский тарикат [12, с. 68].

За несколько лет в республике оформились и другие организационные структуры суфийских орденов. Некоторые шейхи ушли в мир иной, в том числе и в результате террористических атак на них, появились новые лидеры со своими мюридами. Сегодня республиканские СМИ говорят о 23 тарикатских шейхах, за которыми стоят более 100 тыс. мюридов. Нам трудно дать точные сведения о шейхах или количестве их мюридов, о территориальной концентрированности суфийских орденов по населенным пунктам в силу того, что суфийская община является корпоративным объединением, закрытым для непосвященных. Кроме того, каждой суфийской общине, ее лидеру свойственно стремление к преувеличению числа своих мюридов. Ползучая клерикализация дагестанского общества в определенной мере объясняется и тем, что мюрид всецело подчинен своему шейху, а в республике многие чиновники разного уровня и солидные предприниматели уже не раз заявляли о своей приверженности тому или иному суфийскому шейху. Этот серьезный фактор воздействия религиозных лидеров на экономические, политико-правовые, социальные процессы, фактор исламизации дагестанского общества почему-то сегодня остается вне поля зрения отечественных исламоведов.

Другим каналом влияния на социально-политическую ситуацию в регионе является сложившаяся за последние десятилетия обширная сеть исламского образования, которая представлена тремя уровнями: высшие учебные заведения (университеты, институты), средне-специальные учебные заведения (колледжи, медресе), заведения начального образования (примечетские школы-мактабы). С 2007 года в Махачкале функционирует Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки (СКУЦИОН). В состав Университетского центра из республиканских учебных заведений вошли Дагестанский исламский университет им. шейха Мухаммад-Арипа и Институт теологии и международных отношений, ныне переименованный Дагестанский гуманитарный институт. Президент СКУЦИО Н. Мутаилов является первым заместителем муфтия РД. В Республике созданы и функционируют два теологических института: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт теологии и международных отношений имени Мамма-Дибера аль-Рочи», г. Махачкала; Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Чиркейский институт имени Саида Афанди» Буйнакский район, с. Чиркей. В совокупности Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Дагестан зарегистрировано 14 исламских вузов с контингентом учащихся более 1540 человек; медресе – 83, в них охвачено учебой 2970 человек; примечетских школ, действующих, как правило, не на постоянной основе, – 158 с охватом около 3000 человек. Всего, по данным бывшего министра по национальной политике РД Б.А. Бекмурзаева, в республике в исламских образовательных учреждениях обучаются 7540 человек [2, с. 19].

Кроме исламских религиозных учебных заведений в республике функционируют христианские и иудейские субботние и воскресные школы и курсы. Средних (специальных) и высших учебных заведений христианских и иудейских конфессий в республике нет. К тому же республика обладает достаточно развитой религиозной информационной сетью. Как пишет тот же Бекмурзаев: «Здесь созданы благоприятные условия

для реализации конституционных прав верующих на получение и распространение информации конфессионального и светского характера» [2, с. 18].

ДУМД имеет свой официальный печатный орган – газету «Ассалам» (издается на 8-ми языках народов Дагестана), суммарный тираж около 100000 экз. По содержанию к этому изданию близко примыкают еженедельник «Исламский вестник» (1500) и газета «Нур-ул ислам» (5500). Электронные версии газет «Ассалам» и «Нур-ул ислам» помещаются в сети Интернет. С 2002 г. в Дербенте выходят ежемесячная газета «Ислам в Южном Дагестане» (990), журнал «Ислам» (150000). Шиитская община Махачкалы издает газету «Кавсар» (нерегулярно). ДУМД ведет передачи «Мир вашему дому» на русском языке на ГТРК «Дагестан», на каналах ТНТ-Махачкала и Домашний – передаче «Час размышлений», на канале ТВ Центр-Махачкала – передачу «Путь к истине». Пропаганда ислама ведется и по республиканскому радио, в том числе на языках народов Дагестана, а имамы мечетей и религиозные активисты выступают в муниципальных СМИ.

Состояние государственно-конфессиональных отношений и их перспективы

Политику республиканской власти по отношению к религиозным институтам дагестанского общества, стихийно сформировавшуюся в постсоветские годы, трудно назвать продуманной, системной, последовательной, скорее наоборот. Повсеместный отказ от советского, атеистического начала в политике открыл просторы для религиозной пропаганды, просвещения, образования и т. д. Иначе говоря, религиозным организациям и движениям была представлена, по сути, беспредельная свобода активности. Это не могло не привести к тому, что религиозность оказалась возведенной в разряд уважаемых социальных отправлений, и религия стала приобретать новую для себя и для общества публичную нишу. В политической системе дагестанского общества ислам стал предъявлять претензии на властные полномочия, судебные функции, экономическую деятельность и пр. Руководители республики старались не замечать политических и экономических поползновений религиозных движений и их лидеров в обмен на осуждение последними участвовавших проявлений национального сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма, расшатывающих ситуацию в республике и создающих угрозы обеспеченной жизни самих чиновников.

Однако «постоянное расширение конфессионального пространства, происходившее на фоне отсутствия последовательной и ясной конфессиональной политики государства, на практике породило ряд проблем» [11, с. 10]. Это спровоцировало религиозные организации и их лидеров к поползновениям на власть, собственность, предпринимательство, к попыткам утверждения религиозной монополии на идейные основы общества, общественную и личную нравственность. Как результат сегодня в республике мы видим полное отсутствие четкой демаркационной линии между властью и религией, непонятно, где кончается государственная жизнь, а где начинается жизнь конфессиональная. Республиканская власть как бы и не возражает против частичной исламизации общества. Более того, власть проявляет заинтересованность в том, чтобы получить религиозную легитимацию своих действий, которую ей предлагает ислам.

Растущее стремление религиозных деятелей вмешиваться во власть и политику, проявившееся к началу 2000-х годов, привело к тому, что религия стала изыскивать и использовать различные формы своего участия в общественных, в том числе политических, процессах. Представители различных конфессий вошли в многочисленные коми-

теты, советы, центры и организации, которые занимаются теми или иными проблемами, имеющими как общественное, так и государственное значение. Причем это участие стало даже своеобразным ритуалом, без которого уже не обходятся ни центральные, ни региональные, ни местные органы власти.

В целях предотвращения дальнейшей исламизации дагестанского общества представляется крайне важной разработка нового алгоритма взаимодействия власти с религией. Для этого необходимо принять республиканский закон о взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления с религиозными организациями. В законе важно четко закрепить цели, задачи, принципы, формы и предмет сотрудничества органов государственной власти и местного самоуправления с религиозными организациями. В нем необходимо установить правовые пределы сотрудничества и взаимодействия государства и институтов гражданского общества, с одной стороны, и религиозных институтов – с другой.

Заключение

Такова краткая характеристика сложившейся к сегодняшнему дню религиозной ситуации и состояния государственно-конфессиональной политики в Республике Дагестан. Эта ситуация требует новой, последовательной, научно обоснованной модели регулирования государственно-конфессиональных отношений. Важно, чтобы новая политика законодательно закрепила и детализировала конституционные принципы взаимодействия государственных структур с религиозными институтами. Требуемая модель государственно-конфессиональных отношений должна установить правовые пределы сближения власти и религии и тем самым остановить процесс ползучей клерикализации дагестанского общества.

Литература

1. *Байдаров Е.* Исламизация государств Центральной Азии: тенденции и перспективы (философско-политологический анализ) // 21 век. – 2013. – № 4 (29).
2. *Бекмурзаев Б.А.* Угрозы современности и мир в поисках безопасности. – Махачкала: Лотос, 2012. – Т. 2.
3. *Васецова Е.С.* Ислам как религия мира и толерантности // Век глобализации. – 2012. – № 1.
4. *Гаджиев К.С.* Фундаментализм в поле пересечения западных и исламских ценностей // Власть. – 2015. – № 3.
5. *Добаев И.П.* Экспансия джихада. – URL: <http://www.radonezh.ru/all/gazeta/-ID=799&forprint>.
6. *Ильин И.А.* Одинокий художник: Статьи, речи, лекции. – М.: Искусство, 1993.
7. *Кисриев Э.Ф.* Ислам и власть в Дагестане. – Махачкала, 2004.
8. *Кулиев Э.* Исламская традиция на Кавказе: между традиционализмом, реформизмом и секуляризмом // Кавказ & глобализация. – 2008. – Т. 2, вып. 3.
9. Православие в современном Дагестане. – URL: http://www.minnaz.ru/news_open.php?id=652.
10. *Саидова М.З.* Органы государственной власти и ислам в Дагестане в XX веке: от противостояния к сосуществованию. – Махачкала, 2010.
11. *Семедов С.* Причины радикализации российского ислама // Власть. – 2009. – № 9.

12. Яхьяев М.Я., Камышова Е.Г. Власть и религия в современной России: метаморфозы взаимодействия // Исламоведение. – 2013. – № 1. – С. 10.

13. Яхьяев М.Я., Русидзе А.Р. Религиозно-политическая ситуация и экстремизм на Северном Кавказе // Религиоведение. – 2010. – № 2.

References

1. Baidarov E. Islamizatsiya gosudarstv tsentral'noi Azii: tendentsii i perspektivy (filosofsko-politologicheskii analiz) [Islamization Central Asian States: Trends and Prospects (Philosophical-Political Analysis)] *21 vek*. [21st Century]. – 2013. № 4 (29). (In Russian)

2. Bekmurzaev B.A. *Ugrozy sovremennosti i mir v poiskakh bezopasnosti*. [Contemporary Threats and the World in Search of Security] Vol. 2. Makhachkala: Lotos, 2012. (In Russian)

3. Vasetsova E.S. Islamska religiya mira i tolerantnosti [Islam as a Religion of Peace and Tolerance] *Vek globalizatsii* [The Age of Globalization]. 2012. № 1. (In Russian)

4. Gadzhiev K.S. Fundamentalizm v pole peresecheniya zapadnykh i islamskikh tsennostei [Fundamentalism in the Borderland of Western and Islamic Values] *Vlast'* [Power]. 2015. № 3. (In Russian)

5. Dobaev I.P. *Ekspansiya dzhikhada* [The Expansion of the Jihad] URL: <http://www.radonezh.ru/all/gazeta/ID=799&forprint>. (In Russian)

6. Il'in I.A. *Odinokii khudozhnik: Stat'i, rechi, lektsii* [The Lonely Artist: Articles, Speeches, and Lectures]. – Moscow. Iskusstvo, 1993. (In Russian)

7. Kisriev E.F. *Islam i vlast' v Dagestane* [Islam and Power in Dagestan]. – Makhachkala, 2004.

8. Kuliev E. Islamskaya traditsiya na Kavkaze: mezhdru traditsionalizmom, reformizmom i sekulyarizmom [Islamic Tradition in the Caucasus: between Traditionalism, Reformism, and Secularism] *Kavkaz & globalizatsiya* [The Caucasus and Globalization]. 2008. Vol. 2. Iss. 3. (In Russian)

9. *Pravoslavie v sovremennom Dagestane* [Orthodoxy in Contemporary Dagestan] URL: http://www.minnaz.ru/news_open.php?id=652. (In Russian)

10. Saidova M.Z. *Organy gosudarstvennoi vlasti i islam v Dagestane v XX veke: ot protivostoyaniya k sosushchestvovaniyu*. [Public Authorities and Islam in Dagestan in the 20th Century: from Confrontation to Coexistenc]. – Makhachkala, 2010. (In Russian)

11. Semedov S. Prichiny radikalizatsii rossiiskogo islama [The Causes of Radicalization of Islam in Russia] *Vlast'* [Power]. – 2009. № 9. (In Russian)

12. Yakh'yaev M.Ya., Kamyshova E.G. Vlast' i religiya v sovremennoi Rossii: metamorfozy vzaimodeistviya [Power and Religion in Contemporary Russia: the Metamorphoses of Liaising] *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2013. № 1. – S. 10. (In Russian)

13. Yakh'yaev M.Ya., Rusidze A.R. Religiozno-politicheskaya situatsiya i ekstremizm na Severnom Kavkaze [The Religious-Political Situation and Extremism in the North Caucasus] *Religiovedenie* [Religion Studies]. 2010. № 2. (In Russian)